

УДК 821.161.1.09 "1917/199": 82.01

А.Р. УТЕШЕВА

(*autesheva99@gmail.com*)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**СИСТЕМА ПЕРСОНАЖЕЙ И АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ В РОМАНЕ
Б.П. ЕКИМОВА «РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ»***

Рассматривается взаимосвязь системы персонажей и авторской позиции в романе Б.П. Екимова «Родительский дом», где образ «дома», вынесенный в заглавие анализируемого произведения, является жанрообразующим принципом, позволяющим сочетать характерные свойства семейно-бытового романа и романа-хроники в повествовании о судьбе нескольких поколений разветвлённого казачьего рода.

Ключевые слова: *автор, система персонажей, жанровое своеобразие, семейная хроника, «деревенская» проза, заглавие произведения, образ дома.*

Творчество Б.П. Екимова, нашего земляка, неразрывно связано с традициями русской «деревенской» прозы. С первых страниц его произведений читатель знакомится с яркими образами персонажей, воплотившими лучшие нравственные черты «народного характера» [2, с. 12]: его не смогли изменить ни сложившиеся жизненные обстоятельства, ни новые политические установки, ни ход исторического времени. Так, в романе «Родительский дом» (1988) сюжетное действие представляет «разрастающуюся систему героев» [6, с. 16], реализующую авторскую идею и концепцию целостности и единства. Центральным образом становится образ самого дома, традиционно имеющий в «деревенской» прозе значение «безусловной эстетической и этической доминанты художественного пространства» (М. Мокрова). В романе Б.П. Екимова именно вокруг этого образа группируются все персонажи, представляющие три поколения одного казачьего рода: старшие Правоторовы (дед Митрий и баба Дора), являющиеся хранителями бытовых устоев и народной мудрости; персонажи среднего поколения – Николай и Таисия, судьбы которых несут на себе «отпечаток» Великой Отечественной войны; и четверо их детей: Костя, Митяня, Мария, Анютка, представляющие молодёжь конца 1980-х годов. Такая «разветвлённость» семьи Правоторовых позволяет писателю проследить различные возможности и способы передачи семейных ценностей (или отказа от них) от поколения к поколению, что особенно значимо в такой «переломный» период жизни страны и народа, как «перестройка», в годы которой завершается действие анализируемого произведения.

Жанровые особенности романа Б.П. Екимова «Родительский дом» проявляются уже в названии произведения, в котором определение «родительский» предполагает рассмотрение проблемы взаимосвязи различных поколений одной семьи. Понятие «дом» включается автором нашего времени в заглавие тоже не случайно. Если В.И. Даль при составлении «Толкового словаря живого великорусского языка» (1863) отмечал «дом» только как «строение для житья» [4], то «Словарь русского языка (МАС)» (1985–1988) А.П. Евгеньевой, помимо этого определения, указывает на второе значение: дом – это «семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством» [5], что, несомненно, учитывает Б.П. Екимов. В центре его романа – именно семья, семья Правоторовых. Известно, что фамилия Правоторовых, возникшая путём сложения двух канонических имен Пров (от греч. «честный, благородный» [18]) и Тарах (от греч. «волнующийся, беспокойный» [Там же]), упоминается в древнерусских письменных источниках. Однако автор-современник придерживается модифицированного написания древнейшей фамилии: вместо буквы О в первом корне, в фамилии появляется буква А, отчего производным словом становится «правый» в значении «правильный, истинный» [Там же]. В «Этимологическом онлайн-словаре русского языка» (2003) А.В. Семёнова устанавливается родственная связь слова «правый» со словом «правда» [13]. Что касается второго корня, составляющего фамилию героев романа Б.П. Еки-

* Работа выполнена под руководством Переваловой С.В., доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики ее преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

мова «Родительский дом», то он образован от слова «торить», производным которого является исконный корень «тор», употребляемый в значении «торная дорога» [17], т. е. проложенная дорога путём «очищения». Именно на втором значении (правописание первого корня через А) фамилии Правоторовых автор намеренно акцентирует внимание читателей: его герои «торят» свою жизненную дорогу «по правде». Таким образом, в повествовательную канву произведения с первых страниц влетают, помимо хозяйственно-бытовых проблем, духовно-нравственные проблемы разных поколений семьи Правоторовых, объединяющие всех или нарушающие гармоничное существование этого большого дома. Движение авторской мысли от «дома» как жилого строения – к «дому» как к семье позволяет выявить в романе качества жанра «семейной хроники», где последовательная жизнь поколений, неизбежно затрагивая контекст исторического развития страны, рассматривает и «бытие семьи в социуме» [9, с. 26].

Хранителями устоев и вековой народной мудрости (что свойственно всей русской «деревенской» прозе» [2, с. 36]) предстают перед читателями герои старшего поколения. В первую очередь – дед Митрий, издавна живущий и работающий на родной земле. Не случайно писатель даёт ему имя, восходящее к греческому “Demetrios” – «относящийся к Деметре, богине плодородия» [12, с. 114]. Дед Митрий, «сухощавый, ладный старик» [8, с. 8], происходил из рода донских казаков Правоторовых. До самой старости, не отступая от традиции предков, он гордился своимиказачьими усами, соблюдая неизменную опрятность внешнего вида: «Он и сейчас сапоги чистил до блеска, бороду брил, усы расчесывал и крутил» [Там же]. Дед Правоторов, как и полагается, был казаком-тружеником, но сохранял свободолюбие, не становясь «рабом» своего хозяйства: «хоть и не лодырем слыл, но считал работу во все не единственным делом в своей жизни» [8, с. 105]. Он больше предпочитал «посидеть в хорошей компании, с добрыми людьми погутарить, песни поиграть и потому в любой гулянке был гостем желанным» [Там же]. На такие дела дед Митрий был скор: «крутанул усы и готов» [8, с. 12]. Неразрывная связь с корнями, уходящими в историю казачества, улавливается и с первых слов деда Митяки: «Дорогое родство и соседи!» [Там же, с. 8] – слово «родство» является примером донского диалекта и означает ‘родственники’ [15/2, с. 131]. Присутствие в речи деда Правоторовых диалектизмов подчёркивает его статус представителя и носителя донского казачьего говора.

Под стать деду, и баба Дора – «худощавая высокая старуха с белой головой, черными бровями и зоркими тернинами глаз» [8, с. 81], значение имени которой – ещё в греческом “doron” – «дар, подарок» [12, с. 281]. Даром целительства обладает эта женщина, которая «на хуторе слыла лекаркою» [8, с. 14], многих лечила и вылечивала степными травами: «Травы собирала, сушила и оттапливала. К ней раньше люди ходили. А уж закрыли на хуторе фельдшерский пункт – лишь на бабу Дору надежда» [Там же]. Как-то раз стало плохо со здоровьем соседке Галине Шкороборовой: «с утра не встаёт. Жалится: голову – не поднять и жаром осыпает» [Там же], – объясняет её муж Алексей, призывая на помощь бабу Дору: «У вас бабья дома? Может, поглядела бы пришла?» [Там же]. Прихворнула Алевтина, жена старшего внука Кости, «знахарка» [8, с. 81] баба Дора, как она, посмеиваясь, себя называет, немедленно спешит на помощь. Однако не только врачеванием занималась Федора Ивановна, именно так официально, по имени и отчеству, выражая своё почтение и уважение, называет во время застолья бабушку старший внук Костя: она была незаменимой хозяйкой. С утра до вечера занятая, она сама, как и окружающие, не замечала возраста: «не сутулилась её спина, не обвисали плечи, не выцветали тёмные глаза, лишь горькая седина считала годы» [Там же, с. 104]. Баба Дора успевала и домашние дела сделать, и во дворе управиться, и полевые работы выполнить; таких как она, все вокруг называли «хозяйка из хозяек» [Там же, с. 105]. Не позволяя себе отдыхать, баба Дора и деду Митрию в минуты его веселья всегда находит занятие: «Делом он занимается... Люди загодя все готовя, а у нас, – косы неотбитые, косье негожее» [Там же, с. 104]. В такие моменты речь бабушки Правоторовых становится эмоциональной, яркой, насыщенной диалектными словами, например, такими как «займается» – ‘занимается’ [15/1, с. 230], «нехай» – ‘пусть’ [15/2, с. 332] и другими, что обуславливает и её неразрывную связь с донским казачеством.

Персонажи среднего поколения Правоторовых – Николай и Таиса (*русское разговорное имя*) – являются достойными преемниками семейных ценностей, именно им старшее поколение передоверяет свой жизненный опыт и нерушимые нравственные законы: жить честным трудом в союзе друг с другом, с землёй и природой. Николай от рождения имел «характер мягкий, не мужицкий» [8, с. 30], баба Дора иногда называла своего сына «тихое лето»: «Он сроду у меня такой спокойный. Не дите, а тихое лето» [Там же]. Соответствует характеру героя и его внешность: он был высоким, статным мужчиной со «светлыми волосами» [Там же] и «узкой, не крестьянской костью» [Там же], но главной особенностью была его улыбка, которая «порою <...> лучилась на лице его. Как теперь. И нельзя было ей не порадоваться, не ответить улыбкой же» [Там же]. Подчеркивая не только возраст («в пятьдесят лет потемнело лицо, изморщинилось, волосы секлись и белели» [Там же]), но и уважительное отношение к фронтовому прошлому Николая, о котором отставной лейтенант не любил вспоминать и говорить, автор романа использует только «документальную» [13, с. 15], т. е. официальную форму имени Николай, восходящего к греческому “Nikolaos”, где “nike” – «победа», а “laos” – «народ» [12, с. 208]. Сын Правоторовых «пять лет провёл он на войне» [8, с. 62], вернулся «на хутор майским весенним днём» [Там же]. О военном лихолетье Николай старался забыть: «Не дай бог... И нечего об этом...». Однако, когда «военное прошлое» всё-таки «подступало к горлу, Николай лепил самокрутку потолще и смолил её, перешибая душевную боль» [8, с. 62]. Характерной чертой образа Николая является его сосредоточенная молчаливость: «Он делал все молча: флягу с молоком заберет, <...>, но поглядывает, порой улыбнётся» [Там же, с. 49]. Забот у Николая много: он теперь – за главного в своём роду, на нём – основная ответственность за благополучие семьи и воспитание детей. Ради этого он запретил себе мечтать о высшем образовании: пошёл работать трактористом в МТС. Именно благодаря трудам Николая семья Правоторовых спаслась от голода в тяжёлые послевоенные годы. Правда, до преклонных лет сохранилась в нём любовь к литературе: «Издавна любил Николай читать книги. Это велось у Правоторовых всегда» [8, с. 24]. Потому он всеми силами поддерживает Митяню и Марию в том, чтобы они получили образование в институте: «У наших тоже головы неплохие» [Там же, с. 73]. А сам Николай, хоть «болезни и годы взяли свое, война отозвалась» [Там же, с. 13], но продолжает работать, уже не на тракторе, а на ферме скотником, т. к. честный труд на родной земле является одной из главных составляющей его жизни. Надевая брезентовый плащ, который на протяжении нескольких лет был «хорошей подмогой, укрывал от ветра, от дождя, от холодного чичера, когда сыплет осень ледяную морось и снег» [Там же, с. 36], герой каждое утро спешит на ферму. Авторитет отца в этой семье устойчив и непоколебим: старший сын Костя спрашивает у Николая разрешение на женитьбу: «Велишь, батя? Коли велишь, то вставай и жени!» [Там же, с. 12]. Жена Таиса всеми страхами и беспокойствами делилась только с мужем: «При сыне да невестке Таиса молчала, от мужа не скрывала досады» [Там же, с. 36]. Женщина с беспокойством относилась к здоровью своего главного помощника и советчика: «А у самого, – кивнула Таиса на мужа, – здоровье некудовое» [Там же, с. 21], – пытаюсь тем самым отстоять право семьи не отправлять мужиков второй год подряд на «отработки».

Достойной преемницей семейных традиций является Таиса, имя которой восходит к греческому “taIsios” [16, с. 346], относящееся к Исиде – богине женственности и материнства. Она мать четверых детей, которых любит и оберегает так, что в тревожные минуты «отчаянно похожа была на исполошенную куропатку, прикрывающую птенцов от беды» [8, с. 187]. В романе подчёркивается её чремерная общительность и «говорливость», контрастирующая с молчаливостью мужа: «Язык, он куда хочешь доведет, надо лишь спрашивать. Это отец наш тихомолом», – отмечает сама Таиса. Она никогда не скрывает возмущения и беспокойства, будь это члены своей семьи («Не вздумай! И в голову не бери! Мы с отцом порешили! Ему ехать!» [Там же, с. 31]), или второстепенные и эпизодические персонажи (в разговоре с Фалеевым, управляющим отделением она горюет: «А я тут одна-одиная, – заплакала Таиса. – Такие дела. Свадьба... Туды и суды надо, а без хозяина...» [Там же, с. 22]). Спокойное и безмятежное эмоциональное состояние героини читатели видят в минуты редкого отдыха женщины и в минуты разговоров с детьми, тогда в её речи появляется немало ласковых слов и выраже-

ний: «моя доча», «мое дите», «Моя такая доярочка, – сладко выпевала она» [8, с. 48]. Материнство становится для Таисы главным предназначением в жизни. Хотя в романе нет подробного портрета героини, черты её внешности просматриваются в детях, а именно – в Косте и в Марии: «Мария, как и старший брат Костя, и впрямь была материнской породы: росточка небольшого, чернявая, круглолицая, телом уже в девичестве литая» [Там же, с. 10]. Образ Таисы словно «отражается» в детях, в её наследниках. Женщина переживает за судьбу каждого ребёнка, но с сыновьями улавливается особая незримая связь, как и у Николая с дочками: то вопреки жене поддержит стремление Маруси учиться в институте, то младшенькую Анютку возьмёт с собой в райцентр или столицу – мир посмотреть. Таиса, как и полагается матери, всячески пытается уберечь от всех жизненных невзгод своих детей, при этом понимая умом, что в родительском гнезде они не навсегда.

Таиса – неустанная труженица, всю жизнь ей приходилось работать «при скотине» [Там же, с. 10], телятницей, чтобы поднимать своих подрастающих детей: «Таиса работать умела» [Там же, с. 16]. «День-деньской в трудах, а за что? За так» [8, с. 64], – говорит о своём прошлом, не понимая при этом: отчего молодежь бежит из хутора, отчего не хочет работать «за так»? Ведь «грех, грех теперь жалиться» [Там же]: зарплаты платят и свою скотину разрешают держать. А вот Николай этому не удивляется, понимая, что «не в детях вина, а в той жизни, что брела по этой земле» [8, с. 77]. А «брела» она через войны, через трудности мирного времени с постоянными угрозами сокращения числа совхозов и колхозов, с планами ликвидации «неперспективных» поселений, в числе которых и малая родина Правоторовых, понимающих: «Хутор наш, может последние годочки доживает» [Там же, с. 45].

Младшее поколение Правоторовых, на первый взгляд, всё больше отдаляется от забот о родном крае, в юности неся в себе «заряд» стихийно-бунтарской природы «вольного человека» [3, с. 38], противостоящего родовым правилам. Однако, проходя череду испытаний, большинство из «детей» осознают необъяснимую привязанность к «родительскому дому», а их первоначальный порыв вырваться из него оказывается не столько «бунтом» против «отцов», сколько попыткой реализоваться в современном стремительно изменяющемся обществе, не склонном к сбережению опыта своих предшественников. Б.П. Екимов не случайно подчёркивает: Костя Правоторов – старший сын Николая и Таисы, «как, мать, невысокий, кубоватый, смуглый» [8, с. 8], до женитьбы многим напоминал потомственного казака деда Митяку: «На вид взбалмошный, на баб и девок падкий, он был себе на уме» [Там же, с. 32]. При этом «уме» парень вырос добрым, трудолюбивым, настоящим помощником родителям во всех в домашних делах. Митя, его младший брат, вспоминает, что в детстве именно «деловитый» Костя «многому и надолго, на всю жизнь, научил» [Там же, с. 34] его: и удочку мастерить, и на велосипеде ездить, и раков ловить. После женитьбы на Алевтине, основательный Костя (недаром его имя происходит от лат. “Constans” означает «постоянная величина» [12, с. 164]), равнясь на старших, серьёзно задумался о строительстве собственного дома в Караичиеве: «До поры, в отцовском доме, Костя был хорошим сыном, добрым помощником. Теперь в нём просыпался хозяин» [8, с. 44]. Он, как когда-то отец, понимает всю ответственность, которая лежит на нём: «Работать сейчас можно, платят неплохо. И в семье я – старший сын. А сестры неопределённые, Митя лишь из армии пришел. Как родителей бросить? Нечего об этом и речь вести» [Там же, с. 33]. Неслучайно баба Дора и дед Митяка передоверяют «стариковский» флигель и хозяйство именно ему, своему старшему внуку.

Однако драматические обстоятельства «извне», связанные «перестроечными» временами в нашей стране, заставляют Костю покинуть родной хутор. Б.П. Екимов в своём очерке «Завтра начинается сегодня» (1989) точно подмечает тенденцию «из села в город», объективно указывая на проблему и пути её решения: «Люди из села уходили и будут уходить до тех пор, пока не будет ликвидирована вопиющая социальная несправедливость, диспропорция между городом и селом» [7, с. 60]. В первую очередь имеется в виду тревога сельчан за школьное обучение и воспитание подрастающего поколения. С трудом поднимался Костя из «родного гнездовья» [8, с. 162], ради будущего своих детей заставляла жизнь покинуть родной хутор: «А нужно было о будущем, о детях думать» [Там же], о чём нередко говорила ему и жена Алевтина. В райцентре Костя сначала работал шофёром, потом «охранни-

ком хлебоприёмного пункта» [8, с. 193], держа небольшое хозяйство, но денег для строительства собственного дома не хватало, пришлось ездить на базар торговать: «У него ловко получалось, словно шутя» [Там же, с. 198]. Костя, не растерявшись в новых жизненных обстоятельствах и надеясь только на собственные силы, осуществил свою мечту. Он построил “немалый” дом: «Вот дом так дом... А еще баня будет. Подвал выкопаю, арбузы там буду солить, грибы... Да, а как же... Гараж построю, для машины» [Там же, с. 229]. Здесь улавливается схожесть героя с Иваном Басакиным из более поздней повести Б.П. Екимова «Осень в Задонье» (2016): тот тоже «остаётся работать на своей родной земле, помогая ей дышать и жить» [10, с. 193].

Сложно расстаться с привычным бытом в родительском доме Правоторовых Мария и Анютка – дочери Николая и Таисы, выросшие в одной семье, но совершенно разные. Мария с детства была хорошей хозяйкой, все дела по дому были на ней: «помыть, постирать, обед приготовить, <...> – ничем не гробовала» [8, с. 70]. Таиса отмечает, что «На Марию всяк поглядит – делучая» [Там же], как и она сама. Даже традиционные Таисины блины получались у Марии не хуже материнских: «золотистые, поджаристые» [Там же]. Старшая дочь – родительское утешение на старости. А младшая «такая ленивая. Взамуж никто не возьмёт. Разве сестра выручит...» [Там же], – переживает Таиса за Анютку.

Не всё нравится Таисе и в Марии, для которой главным становится не желание выйти замуж, а мечта поступить в институт и освоить профессию врача. Несмотря на протесты матери: «Доча, моя доча, – горько сказала она. Чего ты свою головку забиваешь? Чего?» [8, с. 71], – Маруся (как называют ласково Марию в семье) в своих намерениях идёт до конца. Она старательно учится, просит Митяню узнать в городе о медицинских курсах. В итоге она всё-таки поступает (с третьего раза) наперекор воле матери в институт, пройдя долгий и трудный путь к своей мечте, в которой улавливается незримая связь внучки с бабушкой Дорой, первой «лекаркою» на хуторе. Девушку уважают хуторяне: она «в таблетках смысленная. Враз бы сказала, чего надо пить» [Там же]. В своей семье Маруся – главный доктор: Костя поранил палец – ей минуты хватило оказать помощь. Не скрывая своего восхищения способностями сестры, пострадавший говорит: «Это на втором курсе так, а чего же на пятом будет!» [Там же]. Однако, найдя, как казалось, своё предназначение, двадцатилетняя Мария не остаётся безучастной и равнодушной к судьбе своего племянника Митяни, который воспитывается в Доме ребёнка. Когда она пытается поделиться с окружающими своими переживаниями по поводу Митеньки, то сталкивается с тем, что никто из родственников её не «слышит». Тогда происходит незримый «разговор» со звёздами, к которым устремляется её душа, «переходя от одной звезды к другой» [Там же]. Маруся, вглядываясь в звёздное небо, осознаёт: «Ведь надо начинать и свою жизнь, уходя от материнского крыла и от долгого детства» [8, с. 233]. Вот так правильно будет, словно подсказывает девушке звезда, когда Маруся первой принимает на себя ответственность за воспитание маленького племянника. Мужественный поступок девушки находит поддержку и в сердцах других членов большой семьи: Николай «глупых вопросов не задавал» [8, с. 253], приняв родного внука: «Пообедав, вместе с Митенькой они и уснули, а потом гулять пошли» [Там же]. Анютка же, не скрывая восхищения поступком сестры, в порыве чувств признаётся ей: «Я тебя, конечно, всегда любила. <...>. Ну, как сестру, как Костю, как Митяню. А теперь я тебя по-другому ещё люблю и уважаю. Я как человека тебя люблю». Мария с её «золотым сердечком» [8, с. 267], о котором упоминает Николай, становится для девочки примером проявления подлинного благородства.

В семье Правоторовых Анютка была самой младшей, любимицей, но не неженкой: «Анютка выдавалась девочкой рослой, толстая коса через плечо и взгляд – неробкий» [Там же, с. 42]. Девочка, мечтающая о профессии актрисы, является «живой душой» семьи Правоторовых, тем жизнерадостным источником, который заставляет близких улыбаться, несмотря на все невзгоды. Газету или письмо почитать, посмотреть кино у соседей, в лото поиграть – Анютка была всегда в первых рядах. Но с течением времени и для неё наступает переломный момент, ускоривший её взросление. После болезни Николая, в период которой дочь днём и ночью была возле отца, в Анютке происходят не только внешние изменения: «похудела, сделалась строже и молчаливее» [Там же, с. 23]. Она принимает решение после

окончания школы остаться в родном хуторе с родителями: видела, как сильно они переживали, когда родительское гнездо покидали старшие дети. Девочка осознаёт, что её уход из дома для них будет потрясением, которого нельзя допустить.

Митя, Митяня, Митенька – всё это ласковые наименования второго сына Таисы и Николая, названного родителями по традиции в честь деда Митрия. Он, внешне похожий на отца, был «русоголовым парнем, сероглазым, с завлекательными молодыми пшеничными усиками» [8, с. 9] (как у казака деда Митрия), после возвращения из армии решает вновь покинуть дом и отправиться на «отработки» вместо отца и старшего брата, жизнь которых не привлекала юношу: «Идти на ферму? Как отец? Летом – в седле, зимой – с вилами. Не хотелось...» [Там же, с. 26]. Это был его шанс приблизиться к тому, о чём Митя долгие годы думал после школы и в армии: «об учёбе и о работе, которая захватила бы душу» [Там же, с. 27]. Молодой человек переезжает в Москву, поступает в институт инженеров водного транспорта, работает на судоремонтном заводе, добивается получения собственной квартиры в столице. За три года армии он хоть и скучал по дому и родным, но уже отвык от хутора: «прежняя жизнь его мальчишечья, беззаботная оборвалась где-то там, три года назад» [Там же, с. 28]. Поэтому Митя с лёгкостью покидает «родительское гнездо», хотя во время пребывания в хуторе он вновь чувствует себя среди самых дорогих людей, правда, ненадолго. Отдалённость Мити от дома, от семьи выражается и в языковом плане. Используемые в речи Мити языковые единицы преимущественно соответствуют литературной норме, синтаксические конструкции в большинстве случаев – полные и развёрнутые. Так, например, встречая гостей – отца и Анюту – в своей городской квартире, Митя по-хозяйски распоряжается: «Ясно. Давайте сейчас ванну примите. Поешьте, отдохните...» [Там же, с. 265] и т. п. В своей речи он не употребляет диалектизмы, просторечные слова, разговорные фразеологические единицы, которыми богата и насыщена речь его бабушки, дедушки, родителей, а также нередко встречающиеся в семейно-бытовом обиходе в речи брата и сестёр. Митя воплощает в себе характерные признаки двух типов героев «деревенской» прозы: «традиционного человека» и «вольного человека» [2, с. 26]. С одной стороны, герой хочет найти своё место в «новой» жизни, с другой – «память о родине в душе не остыла: так сладко было думать о родном хуторе» [8, с. 268]. Узнав от отца и сестры Анютки, что Мария забрала его сына из Дома ребёнка, Митя задумывается о том, чтобы оставить свои мечты о городской жизни и уехать обратно в хутор. Однако Николай понимает, что в настоящее время молодой отец не сможет обеспечить должное воспитание своему маленькому Митеньке: «Человек ты – одинокий, презиру ему не дашь» [Там же, с. 267]. Значит, пока у него с Таисой есть силы, то воспитание родного внука они готовы взять на себя: «Придётся нам, пока живые... Мы его не кинем, будет с нами рость. Маруся ему – за мать» [Там же], искренне надеясь, что «вольный» человек, закрепив своё место в «новой» жизни и достигнув главных целей, в итоге оступится.

Таким образом, молодёжь Правоторовых, проходя череду испытаний, связанных с первоначальным порывом вырваться из «родительского гнезда», осознаёт необъяснимую привязанность к «родному дому». Для героев Б.П. Екимова «чувство дома» – это чувство, проявляющееся и тогда, когда человек, оставляя малую родину, всё равно находится в связи со своими близкими и с донскими краями, вскормившими его.

«Русская литература последних десятилетий, наследуя гуманистические традиции отечественной классики, создала немало замечательных произведений на тему «отцы и дети», которые, вспоминая слова А.С. Пушкина, можно назвать «школой жизни», где на равных учатся все – и маленькие, и взрослые» [11, с. 127], – справедливо отмечают исследователи. Это имеет прямое отношение и к роману Б.П. Екимова «Родительский дом», где образ ребёнка крепко связывает все поколения взрослых и предопределяет тему будущего всей страны. Самого писателя и читателей произведения занимает вопрос: каким же вырастет маленький Митенька, названный так в честь отца, но от рождения лишённый родительской заботы? Следуя правде жизни современного общества, когда для ряда современников личный комфорт оказывается более значимым, чем нормы морали, Б.П. Екимов внимательно изучает причины сиротства Митеньки. Галя Евсеева, мать малыша, определяет сына в детский дом, чтобы устроить

свою жизнь: «А куда с дитем? В общежитии не оставят, меня сразу предупредили. Квартиру никто не даст. Ну, я и решилась. Сдала...» [8, с. 214]. С течением времени жизнь женщины налаживается: она выходит замуж, появляется второй ребёнок, но забрать Митеньку так и не решается: «Сразу побоялась, а потом уж и тем более. Чтобы второе дитё сиротой было?» [Там же]. Отец – Митя Правоторов, стремясь укорениться в быстро меняющемся мире, тоже не спешит усыновить ребёнка. В «лихие девяностые» Б.П. Екимов одним из первых забил тревогу, предвидя «масштабность проблемы сиротства» [14, с. 128], создавая образ Митеньки, одинокого при живых родителях, активно занимающегося устройством исключительно собственной жизни.

Однако появление в романе Б.П. Екимова образа ребёнка открывает не только безрадостные перспективы современного жизнеустройства, но и потенциальные возможности «обновления народного характера» [2, с. 12]. Автор, имея в виду традиционную типологию «деревенской» прозы, неслучайно соотносит образ «дитяти» с образами «бабушки/дедушки» [Там же]. Самое главное то, что «голубинное, мальчишечье сердце» [8, с. 269] маленького Митеньки было призвано зажечь новый огонь жизни и в сердце бабушки Таисы: «Ху – ух, и помощник мой дорогой, золотанюшка – ласково пропела Таиса» [Там же, с. 270]. Радость от встречи с мальчиком поселяется и в душе дедушки Николая: «Теперь внука надо поднять на ноги. А уж потом...» [8, с. 271]. Растить Митеньку решено «всем миром» именно в «родительском доме», в этой надёжной общей «пристани» для всех поколений Правоторовых. Герои романа и их создатель словно настаивают: чужих детей не бывает, сохранённая взрослыми «живая душа» Митеньки становится источником продолжения жизни «такого пригожего хутора» (Б. Екимов) в донских краях, и в самой России.

Литература

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит.-ра, 1975. С. 234–408.
2. Большакова А.Ю. Феномен деревенской прозы: Вторая половина XX века: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2002.
3. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л.: Сов. писатель. Ленинградское отделение, 1979.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/dal> (дата обращения: 30.09.2021).
5. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. язык, 1985–1988. Т. 3. П–Р. 1987.
6. Евдокимова О.В., Коматесова А.С. Феномен семейной хроники в русской литературе XIX–XXI веков: опыт описания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6-3(72). С. 16–19.
7. Екимов Б.П. Завтра начинается сегодня // Говорю вам...: очерки, статьи, письма. Волгоград: Издатель, 2015.
8. Екимов Б.П. Родительский дом: Роман. М.: Современник, 1988.
9. Никольский Е.В. Жанр романа семейной хроники в русской литературе рубежа тысячелетий // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2011. № 4. С. 25–28.
10. Перевалова С.В. Проблема преемственности исторической памяти народа в повести Б.П. Екимова «Осень в Задонье» // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2020. № 10(153). С. 187–196.
11. Перевалова С.В. Пространство детства в отечественной прозе второй половины XX – начала XXI веков // Пространство детства в русской литературе XIX – начала XXI века: моногр. / С.В. Перевалова, Л.Н. Савина, Н.Е. Тропкина. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2018. С. 127–190.
12. Петровский Н.А. Словарь русских личных имён: Ок. 2600 имён. М.: Сов. Энциклопедия, 1966.
13. Происхождение слова «Правый» // Семёнов А.В. Этимологический онлайн-словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/п/правый> (дата обращения 30.09.2021).
14. Семкина К.А. Образ ребенка в рассказах В.Г. Распутина «Нежданно-негаданно» и Б.П. Екимова «Не надо плакать...» // Студен. электрон. журнал «СтРИЖ». 2019. № 4(27.1). С. 127–130. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1562583263.pdf> (дата обращения: 15.12.2021).
15. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Е.В. Брысина, Р.И. Кудряшова, В.И. Супрун / под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. Волгоград: Издатель, 2011.
16. Суперанская А.В. Современный словарь личных имён: сравнение, происхождение, написание. М.: Айрис-пресс, 2005.
17. Торить // Шанский Н.М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/t/торить> (дата обращения: 30.09.2021).
18. Тупилов Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/deti/slovar-drevnerusskih-lichnyh-sobstvennyh-imen-tupikov> (дата обращения: 30.09.2021).

ANASTASIYA UTESHEVA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

**THE SYSTEM OF CHARACTERS AND THE AUTHOR'S POSITION
IN THE NOVEL "PARENTS' HOUSE" BY B.P. EKIMOV**

The article deals with the interrelation of the system of the characters and the author's position in the novel "Parents' house" by B.P. Ekimov, where the image of the "house" in the headline of the analyzed work, is a genre forming principle, allowing to combine the specific features of the family novel of everyday life and the chronicle novel, narrating about the fate of some generations of the branched Cossack dynasty.

Key words: *author, characters' system, genre specific features, family chronicle, "village" prose, headline of writing, house's image.*